

Мария РАСТОРГУЕВА

ИЗ КЛАДОВОЙ ПАМЯТИ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ – СЯЩЕННИКЕ АНДРЕЕ РАСТОРГУЕВЕ

О своей родословной отец рассказывал так (записано моим братом Кириллом в 1955 году):

Отец – Расторгуев Иван Иванович (1861 – 1915), житель г. Сенгилея Симбирской губернии. Торговец зерном и мукой, владелец небольшой гостиницы с трактиром, агент страхового общества «Россия», домовладелец, директор городского банка, член уездной Земской управы и церковный соборный староста. В малолетстве остался круглым сиротой, воспитывался в семье родственников Меркуловых. Жена его Мария Андреевна, урожденная Кашенцева (1867 – 1950).

Дед – Расторгуев Иван Яковлевич (1830 – 1862). Хлебный торговец. Жена его Прасковья Кузьминична, урожденная Меркулова.

Прадед – Яков Осипович, жена его Параскева. Единственный крепостной своего барина (боярина Дмитрия), переселившийся в Сенгилей со своим хозяином из северных краев, «с верхов». Барин не имел детей и, умирая, дал Якову Осиповичу вольную, оставил свое небольшое имущество, велел после его смерти заняться торговлей, и в вольной дал ему новую фамилию – Расторгуев, хотя до этого Яков Осипович был Сыромятников.

Родители Якова Осиповича известны только по именам из старинного семейного поминания. Имена их Иосиф и Ирина.

Мой отец был не первым ребенком в семье, однако из оставшихся в живых был старшим. До него у родителей была девочка, которая, будучи совсем крошкой, любила танцевать. Родителям это нравилось, и малышка танцевала и перед родителями, и перед гостями, показывая свой «талант». Случилось так, что девочка умерла, родители решили, что Господь наказал их за эти танцы и дали обещание, что, если у них родится еще ребенок – они посвятят его Богу. И 14 июля 1893 у них родился сын Андрей, день Ангела – 17 июля в день памяти святителя Андрея Критского.

В нашей семье передается такая история: нянька с маленьким Андрюшей на руках стояла у ворот. Мимо шел странствующий монах, остановился, разговорился с нянькой и сказал: «Этот мальчик, когда вырастет, станет священником, и первая его самостоятельная служба будет в храме великомученика Дмитрия Солунского». И в знак этого благословил младенца небольшой иконкой святого, которая потом долгие годы стояла в киоте в доме Расторгуевых в Сенгилее, а в революцию пропала.

Рукоположили Андрея Ивановича в августе 1917 года, и он был направлен полковым священником в 106-й Уфимский полк. Далее передаю словами отца Андрея: «Схожу с поезда, встречает солдатик на телеге. Сели, поехали. Еду и думаю – первая часть предсказания сбылась. Спрашиваю солдата: «Братец, а когда у вас Престол бывает?». Он отвечает: «На Митрия Солунского».

Дмитрия Солунского отец Андрей считал своим небесным покровителем, тем более что храм в селе

Родители Андрея Расторгуева - Иван Иванович и Мария Андреевна

Горюшка, в котором он был настоятелем в 20-е годы, также был посвящен Дмитрию Солунскому.

Над детской кроваткой маленького Рюши (так его ласково называли близкие) находилась икона преподобного Сергия Радонежского с житием, и малыш, когда его спрашивали, где и что делает преподобный, всегда правильно показывал пальчиком, еще не умея говорить.

Мальчик рано научился самостоятельно молиться, в церковь ходил с охотой. Его мать, Мария Андреевна, вспоминала, что собирались утром идти к причастию и она решила его пораньше разбудить. Заходит в его комнату, а он уже стоит, читает Правило к Святому причащению.

В комнате его всегда было очень чисто и аккуратно, он сам убирал постель.

Многие молитвы в раннем возрасте знал наизусть. Даже игры были связаны с церковью: Андрей

произносит ектинью, а младший брат Женя поет: «Господи, помилуй!».

А ведь семья была купеческая, откуда бы такая любовь к церковной службе?

Фруктовый сад у Расторгуевых был на берегу Волги, довольно далеко. Как-то поехали туда на свежем воздухе отметить какой-то праздник, а когда ехали обратно через город, веселились, пели песни. Мальчик Андрюша соскочил с телеги и пошел домой пешком. А потом сказал своей матери такие слова: «Ты – мать будущего священника – вина напилась и песни пела. Неужели тебе не стыдно?». Было очень стыдно – такими словами заканчивала этот рассказ моя бабушка Мария Андреевна, уже будучи глубокой старушкой.

Любил выпить мой дедушка Иван Иванович. Когда в доме ждали гостей и накрывали столы, бабушка закрывала его в кабинете на втором этаже, чтобы до прихода гостей он не «напробовался» разных напитков. Это не всегда помогало – дедушка спускал из окна на веревке корзину и дворник Прокофий клал в нее заветную бутылочку.

Возможно, насмотревшись на своего отца, папа в молодости дал зарок, что до сорока лет рюмку в руки не возьмет. Свое обещание он выполнил, но и после 40 лет не имел склонности к вину. Моя мама вспоминала, что свадьба их была безалкогольной, на столе не было даже слабых напитков.

Иван Иванович, будучи по сенгилейским меркам человеком очень зажиточным, настаивал на том, чтоб сын сначала получил достойное светское образование, но Андрей Иванович все же поступил в Симбирскую духовную семинарию. Жил и кормился у священника Прозорова. Семинаристы Андрея недолюбливали и не упускали возможности его поколотить – их раздражало, что он, имея материальную возможность учиться где угодно, поступил в семинарию, в которой они, дети церковнослужителей, учились по необходимости, не имея средств учиться в другом месте.

Дедушка Иван Иванович в 1914 году умер от заражения крови, ему неудачно вскрыли нарыв. Бабушка, овдовев, все хозяйство взяла в свои руки, незадолго до революции даже собиралась пустить по Волге собственный пароход, но после октябрьского переворота у нее все отобрали, последними деньгами Мария Андреевна откупила из большевистской тюрьмы сына Андрея, осталась нищей. Детей у нее после многочисленных родов в живых осталось шестеро – четыре сына и две дочери, но два сына трагически погибли в первые годы революции. Жила она, после того как большевики ее выгнали из дома, в нашей семье, деля с невесткой и внуками все невзгоды. Умерла в 1950 году, в Москве, похоронена на Преображенском кладбище. Отец Андрей очень любил свою мать, несмотря на ее суровый нрав, и пока он имел возможность иметь письменный стол, на нем

находилась ее фотография в серо-синей рамке на витиеватой золотистой подставке.

В учебе отец всегда был вторым по успеваемости. Он говорил, что Господь никогда не давал ему быть первым, чтобы он не зазнавался.

В 1914 году он поступил в Московскую духовную академию, где удивлял преподавателей своей феноменальной памятью – он обладал способностью, прочитав, точно запомнить текст, и в своих ответах и работах приводил цитаты, которые преподаватели сверяли с печатными текстами, но никогда не находили неточности.

Преподаватель по гомилетике – науке о христианской церковной проповеди – был очень строг, получить хорошую оценку у него было трудно, отличные у него имели только Андрей Расторгуев и Николай Колчицкий, который поступил в Академию годом ранее. Оба они, будучи впоследствии настоятелями один Сокольнического, другой Елоховского Богоявленского собора, славились в Москве своим талантом произносить проповеди.

В связи с тяжелым положением на фронте – шла 1-я Мировая война, в начале 1917 года из Академии призвали в армию студентов, не имеющих жен и не принявших иночество или монашество. Отец попал в школу прапорщиков в Петергофе под Петербургом.

Окончив ее, он отказался брать в руки оружие, а просил отправить его на фронт священником, в чем ему упорно отказывали. Со своим прошением он дошел до высших чинов Священного синода. Просьба его была удовлетворена и ему дали отпуск для вступления в брак (священником мог стать только женатый человек).

Еще будучи семинаристом, Андрей сдружился с мужем своей родственницы священником Сергеем Петровичем Петровским. Сестры Сергея Петровича, приезжая в Сенгилей, останавливались в доме Расторгуевых, стали почти своими, но, как вспоминала мама, ей и в голову никогда не приходило, что красивый, высокообразованный Андрей Иванович, завидный жених для многих богатых сенгилеевских невест, может обратить внимание на нее, простую сельскую учительницу, дочь бедного сельского дьякона из Репьевки-Космынки. Никогда он за ней не ухаживал, никаких знаков внимания не проявлял, но очень ему нравилось, что его младшие братья и сестры нежно любят Катеньку.

Андрей Расторгуев в юности

Мама вспоминала, что летом 1917 года ей дали место учительницы в каком-то дальнем селе Симбирской губернии. Она отправилась в путь. Ехали уже не первый день, когда их нагнало известие от брата Сергея Петровича: «Срочно возвращайся, тебе сделано интересное предложение». Мама обрадовалась, она решила, что ей предложили место учительницы ближе к родительскому дому. Но предложение было не об учительстве

1 августа 1917 года Андрей Иванович Расторгуев обвенчался с девицей Екатериной Петровной Петровской.

Папина мать – Мария Андреевна (я названа в ее честь) была недовольна выбором сына – мезальянс, но всю свою жизнь прожила не с другими своими детьми, а в нашей семье и уже перед смертью как-то сказала: «Катя, какая же ты хорошая», на что находившийся рядом папа ответил: «Сколько же лет тебе понадобилось, мама, чтобы это осознать!».

Отец брал благословение на брак у своего духовника старца Алексея в Тёфсиманском скиту при Троице-Сергиевой лавре. Старец благословил и сказал: «Недавно у меня был Коля Колчицкий со своей невестой. Такая красавица. У него будет Варвара прекрасная, а у тебя Екатерина вечно чистая».

В середине августа папа принял священнический сан и отправился на фронт священником 106-го Уфимского пехотного полка. Началось его служение Богу.

Как-то отец сказал мне: «Если бы я был так же богат, как и до революции, то не брал, а сам отдавал бы в церковь деньги за то, что мне позволено служить».

Но на долгие послереволюционные годы уделом нашей семьи стала нищета.

Первый раз отца арестовали 18 марта 1918 года за «отказ содействовать советской власти» – он вместе с настоятелем Покровской церкви в Сенгилее спрятал на колокольне ценные церковные предметы, необходимые для богослужения, которые новая власть решила национализировать.

Второй раз его арестовали так же в Сенгилее за то, что во время белочешского восстания он для чехов прочел лекцию о их национальном герое Яне Гусе. Красные, взявши власть в городе, забрали отца в числе других именитых горожан в заложники и долго не отпускали.

За освобождение с его матери потребовали 75 тысяч рублей, которые она отдала, но проявила благоразумие и попросила расписку. Отца освободили, а через некоторое время снова потребовали 75 тысяч, говоря, что есть решение на взыскание денег. Вот здесь и пригодились расписки. Оказалось, что чекист, получив

деньги, сбежал.

После этого в семье денег не осталось.

Гражданская война, аресты, тиф, смерть двух сыновей сразу после родов, зверское убийство большевиками отца моей матери – дьякона Петра Григорьевича Петровского, конфискация всего имущества Расторгуевых и выселение их из дома – такими были первые годы совместной жизни моих родителей. Но

была и большая радость – появление на свет 13 августа 1921 года сына Кирилла.

Семья переезжает под Сызрань в село Горюшка. Здесь отца ждет еще один арест за то, что собирал у себя дома детей и учил их Закону Божию.

В Горюшке у них рождается дочь Мария, которая умерла в возрасте около двух лет в Сызрани, куда отец получил назначение настоятелем Покровской церкви.

Здесь же, в Сызрани, 14 марта 1928 года родилась я. Назвать меня собирались Антониной или Александрой, но мой брат Кирилл думал, что снова родилась его сестричка, которая умерла, и всем радостно сообщал: «А у нас Манечка родилась». Так я стала Марией.

Первые мои детские воспоминания – ожидание праздника: по вечерам в доме собирались женщины и делали искусственные цветы для украшения церкви. Всюду стружки, цветная бумага, листочки. Мама с прихожанками делают цветы, папа читает из отцов церкви или ведутся беседы на религиозные темы. Перед праздником все несли в храм, украшали иконы.

И первая Пасха, которую я помню: утро первого дня Пасхи, папа в белой рубашке сидит на крыльце, брат и я сидим чуть пониже. Папа объясняет мне, что сегодня здороваются не так, как всегда, сегодня надо сказать «Христос Воскресе!» и ответить «Воистину Воскресе!». На душе у меня так хорошо! Такое ощущение праздника, радости, света! Во двор захо-

дит сосед, христосует с отцом. Следом за ним под забором пролезает его большая черная собака. Той радостью, которая переполняет меня, я готова поделиться с кем угодно. Я обнимаю собаку, целую ее в мокрый нос: «Собачка, собачка, Христос Воскресе!». «Папа, какая Манька глупая, она с собакой христосует-

Покровский собор в г. Сенгилее - взорван и затоплен в советское время

СЕНГИЛЕЙ

Сен-ги-лей – это звон колокольчика.

Сен-ги-лей – это песнь ручейка.

Это маленький город на Волге,

Где отец мой на свет родился -

У ничем не приметных родителей,

В старобрядческом строгом быту.

Он с младенческих лет был воителем

За свою принадлежность Христу.

Он тяжелый свой крест нес без ропота

И в советском безбожном аду,

Иногда повторяя, лишь шепотом,

Как заветную песню свою:

Сенгилей – это звон колокольчика,

Сенгилей – это песнь ручейка,

Там впервые предстал я пред Господом

В храме, где был престол Покрова.

ся», – смеется мой брат Кирилл. «Не смейся, она права – сегодня вся тварь радуется».

Еще запомнились постоянные переезды. На квартиру пускать не хотели, боялись. Какая-нибудь сердобольная женщина пустит к себе, потом: «Батюшка, съезжайте, меня дети ругают, что я вас поселила». Помню голод и холод. У папы не было пальто. У мамы с братом были одни ботинки на двоих, так что на улицу выходили по очереди.

Помню, как у нас забирали имущество за неуплату налогов. Отбирали все, до последней чашки-ложки. Когда стали выносить мой матрасик, я горько заплакала и все просила его не забирать. Не выдержал возница: «Да оставьте вы ребенку матрасик – и в сердцах добавил инспектору – сам вещи выноси, сам лошадь веди». Матрасик оставили. Самую необходимую вещь, самовар, прятали у хозяев. Потом добрые люди принесли нам кто что мог.

Надо сказать, что выжили мы в это тяжелое время только благодаря людской доброте, ведь карточек на продукты нам не давали – как члены семьи священнослужителя, мы были «лишенцами», то есть людьми, лишенными всех гражданских прав.

Мама попала в больницу с сильным кровотечением, нужно было как можно быстрее делать операцию. Перед операционной она провела почти весь день – подойдут, посмотрят: «Жена священника?! Пусть лежит». Никто не хотел оперировать. Наконец, подошел врач, осмотрел, скомандовал: «В операционную». Мама ему: «Я ведь жена священника». Прооперировал. Мама до самой своей смерти поминала его, так как считала, что он спас ее от смерти, не оставив умирать у дверей операционной.

В начале 1935 года переезд в г. Александров. В Сызрани на вокзале провожающие нас женщины плачут. Я про себя удивляюсь: слезы у них льются из глаз, а вытирают они почему-то носы.

В Александрове папа служил в кладбищенской церкви, жили мы в половине кладбищенской сторожки. В школе я еще не училась, ни подруг, ни игрушек у меня не было. Придумала себе занятие – убирать заброшенные могилы. Из другого города приехала женщина, удивилась, что могила сына, на которой давно никто не был, прибрана. Расспросила людей, ей рассказали, кто убирает, и она принесла мне игрушки.

Но, несмотря на нашу бедность, к каждой Пасхе и к каждому Рождеству мама шила мне платье. Не из нового – люди отдавали старые вещи и мама перешивала, перекраивала, перелицовывала. Папа говорил, что в годы нищеты не только все его вещи – от церковного облачения до нижнего белья были сшиты руками его жены, но даже и тряпичные ботинки на толстой тряпичной подошве, правда, на них были надеты калоши.

Мама в храме делала все: пела на клиросе, читала, пекла просфоры, убирала, мыла полы, чистила снег. И никогда не упрекнула своего мужа ни за голод, ни за нищенство. А ведь было и такое, что ей приходилось просить у людей хоть что-нибудь, чтобы накормить детей. Она вспоминала, как одна женщина, к которой она пришла домой с такой просьбой, ответила: «Никогда не поверю, матушка, что у вас детей кормить нечем. Если хотите, возьмите картофельные очистки, вон для свиньи лежат». Мама взяла, промыла, сварила. И к свекрови она относилась с любовью. Другая бы

сказала: «Пусть едет к своим дочерям». Нет, никогда она такого не произнесла.

В конце 1935 года папа получил место настоятеля в соборе г. Орехово-Зуево. Жизнь наконец-то изменилась в лучшую сторону, главное, мы перестали голодать.

В Орехово-Зуеве мы с братом очень тяжело болели скарлатиной. Тогда от этой болезни часто умирали. Папа не спал, целыми ночами молился в алтаре. Вымолил.

Через год мы переехали в Калугу.

Папина церковь находилась недалеко от базарной площади. Пошел он как-то в соседний храм в рясе, с крестом и меня ведет за руку. Идем мы с ним через площадь, а навстречу нам пионер в галстук, на голове шапочка-«испанка», остановился, подбоченился и с ухмылкой произнес: «Пошел поп по базару поискать кой-какого товару...», а папа продолжил: «...а навстречу ему Балда, идет сам не зная куда». По-моему, пионер был поражен, что поп знает Пушкина.

В Калуге я пошла в школу. Когда пришло время вступать в пионеры, отобрали четырех лучших учеников, в том числе и меня, нам раздали листочки – торжественное обещание пионера и велели выучить наизусть. Слов нет, как я обрадовалась, очень мне хотелось стать пионеркой и ходить строем под стук барабана. Дома я показала листочек отцу и поделилась радостной новостью. Он сказал, что ничего против пионеров не имеет и я могу вступить в пионерскую организацию, если мне так хочется, но я должна знать, что если стану пионеркой, то в семье как и прежде будут заботиться обо мне, кормить, одевать, но благословить меня отец не сможет никогда, и в церковь я ходить не смогу, и праздники церковные отмечать не буду – ведь пионеры в Бога не верят и борются с церковью. «Так что решай сама, что для тебя важнее – Бог и мое благословение или пионерская организация», – закончил наш разговор отец. Честно сказать, очень непросто далось мне это решение, уж очень мне хотелось в пионеры. Но тем не менее я перед всем классом сказала, что отказываюсь от этого, так как я дочь священника и верю в Бога, а пионер в Бога верить не должен.

Похожая история произошла с моей младшей дочерью Наташей, когда она училась в 10 классе, значит, в 1975 году. На одном из уроков она отвечала на тему, связанную с религией. В процессе ответа учительница спросила ее: «А ты в Бога веришь?». Со слов дочери знаю, что была мучительная для нее пауза, когда она колебалась и не знала, что ответить, но все же сказала: «Да. Верю». Что тут началось... Ее прорабатывали на собраниях, вызывали в школу и прорабатывали меня.

На последней встрече с директрисой, когда она кричала на меня, что это позор, что современная комсомолка не может верить в Бога – это мракобесие, я ответила: «Да, наша семья верующая, но моя дочь десять лет ходит в вашу школу, и вы ее десять лет пичкаете атеистической пропагандой. Разве я виновата, что влияние дедушки, который умер несколько лет назад, сильнее, чем весь ваш атеизм?!». В ответ я уже ничего не услышала.

Папа был разносторонне образованным человеком. Хорошо знал философию, необычайно высоко ценил философа Соловьева. В одном из интервью известный священник Александр Мень сказал, что в его

жизни было четыре учителя, и одним из них он назвал моего отца. Также он говорил, что в его жизни был период увлечения философией Соловьева, думаю, что это было влияние отца Андрея.

О пьесе Гоголя «Ревизор» отец говорил, что эта пьеса о Боге, о том, что не перед теми мы себя показываем, а Судья придет неожиданно, когда мы не ждем.

Прекрасно отец знал литературу, и русскую, и зарубежную, любил поэзию, помнил наизусть великое множество стихов и часто цитировал их в беседах. Говорил так: «Стихов не пишу, но очень люблю и понимаю». Из прозаиков любимым его писателем был Николай Лесков, нравилась ему новелла Мопассана «Лунный свет». Любимые его поэты – Пушкин и Лермонтов.

Мне было лет восемь или девять, и папа мне рассказывал, что Михаил Юрьевич Лермонтов в стихотворении «В минуту жизни трудную...» не назвал, какую «молитву чудную» твердит он, а вот Александр Сергеевич Пушкин в стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны» передает в стихотворном изложении молитву, которая ему «всех чаще... приходит на уста», а потом спросил, какая молитва больше всего нравится мне.

– Христос Воскресе из мертвых... – ответила я. – А тебе, папа?

– Господи, помилуй мя грешного.

В 1939 году отца арестовали за неуплату налогов, он был приговорен к «принудительным работам» и его отправили на строительство железной дороги под Воркуту. Помню, как мы с мамой через весь город ходили к мужчине, который приехал из места, где отец находился в заключении. Кем он там был – охранником или заключенным – не знаю. Он сказал: «Мертвым я отца Андрея не видел, но вы его живым не ждите. Он весь черный, опух, завшивел, сидит с уголовниками, они его бьют, спит он на полу». На обратном пути мама горько плакала и все повторяла: «Ну, вот я и вдова...».

После окончания школы брат Кирилл устроился актером в Калужский драмтеатр.

Профессии актера, а впоследствии режиссера он посвятил всю свою жизнь.

В октябре 1940 года брата призвали на срочную службу в армию и отправили служить на Западную Украину, где он и встретил начало войны.

Немцы вошли в Калугу 14 октября 1941 года, на Покров. Папа в лагере, брат на фронте, мама, бабушка и я – в оккупации. Каждый из нас был уверен в гибели остальных. То, что папа в лагере погиб – мы не сомневались; с тем, что Кирилл погиб на Западной Украине в первые же дни войны мы смирились и оплакали его; а папа и брат думали, что нам не выжить в оккупации.

Было мне в то время 13 лет. При немцах мы голодали жутко. Пошел слух, что открыли овощной склад возле рынка и разрешили брать овощи. Народ туда побежал. Мама не хотела меня пускать, но я не послушалась, взяла маленький холщовый мешочек и пошла. Толпа там была такая, что подступиться к овощам я не смогла, тут раздалась автоматные очереди, началась паника, люди побежали, и я бегу в этой толпе и вдруг понимаю, что одной калоши у меня на валенке нет. А валенки с калошами у нас с мамой были одни на двоих, без калош на улицу не выйти. Делать нечего – развернулась и с опаской поплелась на склад. Смотрю –

калоша моя лежит, кругом морковь разбросана.

Набрала я в свой мешочек моркови и пошла обратно, а мне навстречу вся в слезах мама бежит, на ногах летние туфли. Немцы стреляли не на складе, а на базарной площади подпольщиков расстреливали.

Были они в Калуге недолго – два с половиной месяца, в последних числах декабря 1941 года город освободили.

Летом сорок второго года в отпуск после контузии приехал брат Кирилл, пришла весточка от отца, что он прячется у добрых людей в Кирове, где он сошел с поезда по дороге из лагеря в Свердловск (теперь Екатеринбург), куда его направили на поселение.

В Свердловск он не поехал потому, что муж его младшей сестры Елены, кстати, сын того самого дворника Прокопия, который отправлял своему хозяину на второй этаж бутылку в корзине, был там одним из секретарей обкома партии, и отец боялся своим появлением навредить их семье.

Хозяйка, у которой мы жили в Калуге, решила продать свой дом и попросила нас съехать. Маме очень хотелось уехать в Ульяновск, где у нее была вся родня.

Брат Кирилл сначала съездил в Киров, встретился с отцом. То письмо – поздравление с серебряной свадьбой – брат привез из Кирова. Рассказывал, что отец был одет в какие-то обноски, а вместо обуви у него подошвы от калош, привязанные к ногам веревками.

Письмо написано в лагере под Воркутой летом 1942 года. (Орфография письма сохраняется).

Милая и безценная, дорогая супруга моя Екатерина Петровна!

В знаменательные дни пишу я настоящие строки. 25 лет тому назад в это время я имел счастье получить Твое драгоценное согласие быть моею подружкой жизни. Целую четверть века я имел в лице Тебя доброго Ангела Хранителя нашей семьи, верного и неизменного друга, смелого спутника на своей жизненной дороге, вдохновителя моего пастырского служения, идеальную мать наших детей, любящую и любимую дочь нашей милой мамочки и нежную сестру моих родных братьев и сестер.

Оглядываясь назад, на пройденный нами 25-летний путь нашей супружеской жизни, я могу смело и открыто пред всеми свидетельствовать, что я был безмерно счастлив, имея Тебя, моя дорогая, своею женою.

Благодарю Господа Бога за Его безценный дар, ниспосланный Им мне в лице Тебя. Земным поклоном, мысленно целуя не только Твои уста, но и руки и ноги Твои, я благодарю Тебя за четверть века Твоего совместного служения со мной Богу и Его святой Церкви, за Твою безпредельную любовь ко мне и за счастье, которое Ты мне дала, за все, что можно высказать словами, и что нельзя высказать на человеческом языке. И я верю и надеюсь, что настоящие годы вынужденной разлуки с Тобой, если они и еще продолжатся, они не поколеблют твердости Твоего духа, стойкости наших общих убеждений, нашей супружеского союза, основанного «не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога» (Иоан.1,13). Можно ли наши тесный союз жизненным грозам порвать? Нет, нельзя!

Итак, крепко обнимаю и горячо Тебя целую

мысленно вместе с дорогой мамочкой, Кирочкой и Марусенькой, предпразднуя и поздравляя Вас всех с наступающим днем (1 августа) нашей серебряной свадьбы.

Твой неизменно любящий Андрей.

Потом Кирилл, пользуясь своими документами фронтовика, повез бабушку, маму и меня в Ульяновск. Там нас приютила младшая мамина сестра тетя Варя, учительница, муж ее был на фронте. Жили мы все в одной крошечной комнате в коммунальной квартире. На жизнь и в Калуге, и в Ульяновске зарабатывали рукоделием. Бабушка вязала кружевные воротнички и салфетки. А мы с мамой делали тряпичных кукол, а по воскресеньям продавали все это на рынке.

В конце сорок второго года в один из дней в дверь тети Вариной комнаты раздался стук:

– Кто там? – спросила мама.

– Андрей.

– Какой еще Андрей?

– Ваш Андрей...

Оказалось, что отец в Кирове попал в облаву, сказал следователю, что при переезде к месту поселения отстал от поезда, а обратиться в органы не решился. Ему повезло, что появилось решение Сталина отпустить из заключения священнослужителей, поэтому его отправили к месту нахождения его семьи. То, что семья в Ульяновске, он знал, так как мы писали на адрес женщины, у которой он ночевал в бане и которая его подкармливала.

В Ульяновске в то время находилось в эвакуации все высшее церковное духовенство и среди них соученик отца по Духовной академии Николай Федорович Колчицкий, о котором я знала из рассказов отца и талантами которого отец восхищался.

В январе 1943 года отец уехал в Москву, в храм Воскресения Христова в Сокольниках, настоятелем которого он был до самой смерти.

Летом 1944 года в Москву переехали мама, бабушка и я. Брата к тому времени демобилизовали по состоянию здоровья и он поступил в ГИТИС. Вся семья поселилась на Преображенке, на Страховской улице, в небольшом домике, который отец купил к нашему приезду.

Как-то, гуляя в Сокольническом парке, папа познакомился с Леонидом Ильичом Колтуновым, который тоже жил в Сокольниках. Он стал приходить в храм, крестился и через некоторое время стал работать водителем на церковной машине. Очень быстро Леонид Ильич стал незаменимым

помощником отца Андрея по всем хозяйственным вопросам и в храме, и в нашей семье, позднее он перешел на работу в хозяйственный отдел Патриархии.

Сокольнический храм был сложен из красного кирпича и при всей красоте своих форм не выглядел так нарядно, как сейчас. Стараниями отца Андрея и при непосредственном участии Леонида Ильича в конце сороковых годов произошло изменение внешнего облика церкви, был сделан большой внутренний ремонт.

Снаружи храм изменился полностью: светло-голубые стены с нежным оттенком в светлейшую зелень, белые кокошники и белые же окаймления окон и фрагментов стен, серебристо-серые купола и чуть более темный, немного в зелень, главный шатровый купол с золотыми гранями, увенчанный золотой главой, приковывали взгляд и радовали своей красотой. Были заменены кресты на всех главах. Храм сиял над Сокольниками, вселяя в людей веру и надежду, которые так были нужны в тяжелые послевоенные годы. К сожалению, в советское время рядом специально были построены заслоняющие его многоэтажные дома.

Храм Воскресения Христова в Сокольниках (Москва)

ХРАМ В СОКОЛЬНИКАХ

Прекрасен храм Христова Воскресенья.

Здесь тень отца еще живет.

Здесь все полно святого вдохновенья

И от земного к горнему зовет.

Давно отец ушел в иные дали...

Сегодня я об этом не грущу.

За то, что он служил в прекрасном этом храме

И с нами был – Христа благодарю.

С самого своего основания Сокольническая церковь получила в народе имя Кедровской – по фамилии своего строителя и основателя протоиерея Иоанна Кедрова, да и сейчас можно услышать это название от старых москвичей.

Стараниями отца Андрея на могиле отца Иоанна был сооружен памятник, надпись на котором гласит: «От настоятеля и общины Воскресенского храма в Сокольниках незабвенному создателю и строителю Воскресенского храма протоиерею Иоанну Кедрову».

С уважением и почитанием относился мой отец к памяти основателя храма. В кабинете отца в Сокольниках на рабочем столе, на самом видном месте, постоянно находился портрет отца Иоанна. Поддерживал отец Андрей добрые отношения и с семьей Кедровых: матушка отца Иоанна была жива и от храма ей выделялась постоянная материальная помощь, сын отца Иоанна Георгий Иванович был врачом, и когда кто-то в нашей семье болел, его просили приехать, посмотреть больного, визиты его щедро оплачивались.

Папа использовал этот прием – щедро оплачивал работу тем людям, кому он хотел помочь материально, но кто просто так денег не взял бы.

Не забывал отец Андрей и тех, кто помогал нашей

семье выжить в тяжелые годы бедствований. Материальная поддержка оказывалась многим, знаю, например, что наша квартирная хозяйка в Калуге получала содержание до самой своей кончины.

Помогал отец Андрей людям много и безотказно.

С глубоким почтением и сыновней любовью относился отец Андрей к почетному настоятелю Сокольнического храма архиепископу Дмитровскому Виталию (Введенскому).

Жил владыка в храме, в комнате, где сейчас находится церковная лавка, только вход в нее в то время был из притвора.

Умер владыка Виталий в 1950 году, на пятой неделе Великого Поста, во время службы, при чтении Великого канона, похоронен на Пятницком кладбище, у стены храма. На могиле стараниями отца Андрея был поставлен памятник, сделана ограда. Все это сохранилось до сих пор.

Существовал при храме бездомный, безногий монах. Из какого он был монастыря, где потерял ноги, в какие годы появился в Сокольнической церкви – я не знаю, но хорошо помню его. Каждое утро он появлялся к открытию храма, пристраивался у стены напротив Чудотворной Иверской Иконы Божией Матери, целый день проводил в молитве, а вечером, после службы, покидал церковь. И так многие годы, каждый день. Ночевал он, где придется.

Папа порой подолгу с ним беседовал. Как-то этот иеромонах Уалент обратился к нему с такими словами: «Я бездомный, близких у меня никого нет, умру – похоронить некому будет. Прошу Вас: когда умру, похороните меня по-христиански. Тут вот деньги – люди мне давали, я не просил – шапка моя лежит рядом, люди деньги и кладут. Все это я отдаю на церковь, а вы уж выполните мою просьбу».

Умер он в конце пятидесятых или в начале шестидесятых годов – не помню. Папа его просьбу выполнил, похоронил на Преображенском кладбище... Теперь они лежат рядом, в полуметре друг от друга, в соседних оградках.

В той же оградке, где и иеромонах Уалент, похоронены еще две женщины из Сокольнического храма, к сожалению, имен их я не помню.

Совсем молодым помню известного протоиерея Сергия Вишневого – во время учебы в семинарии он был алтарником, жил со своей женой Алечкой в полуподвальной комнатке под церковью. Отец Сергей начал свой путь в Сокольническом храме, служил рядом с отцом Андреем долгие годы, потом был на-

стоятелем Храма Иконы Божией Матери Знамение на Рижской, Храма Воскресения Словущего в Брюсовом переулке. Именно он поддерживал отца Андрея в последние годы жизни во время болезни, соборовал и причащал его перед кончиной. Ныне отец Сергей – старейший из священнослужителей Русской православной церкви – настоятель храма Флора и Лавра, стоящего где-то в лесах под Ярославлем, и широко известный своей отшельнической жизнью.

После переезда в Москву у папы наконец-то появилась возможность обеспечить семью всем необходимым, но сам он при этом оставался совершенно безразличным к материальным благам. Отец любил добротные вещи, но считал, что ему достаточно необходимого минимума.

Семья увеличилась: вышла замуж я, женился брат, появились дети – дом расширили и обустроили.

И здесь к нам приходили фининспекторы. Правда, только описывали вещи, но ничего не забирали. Помню такой эпизод: инспектор составляет опись и при этом извиняется за то, что он это делает, поясняет – такая уж у меня работа. Папа ему отвечает: «Делайте свое дело. Я делаю свое дело и не стыжусь своей работы – могу сказать с гордостью везде и всегда – я православный священник».

В мае 1963 года дом пошел под снос. Как же плакала

мама – ведь это было первое за всю ее жизнь собственное жилье. Сейчас в этом квартале находится медицинский центр «Пангея», но непосредственно то место, где стоял наш дом, – заасфальтированная площадка во дворе клиники.

Нам дали две двухкомнатные квартиры в пятиэтажке в Измайлово, в одном подъезде: одну на первом этаже – в ней поселились Андрей Иванович и Екатерина Петровна с внучкой и сыном, другую на пятом – для моей семьи.

Домой папа приезжал ежедневно обедать, а ночевал он в своем кабинете при храме. Когда заходишь в ограду Сокольнической церкви, сразу же можно увидеть два полуподвальных окошка, за углом вход в бывший папин кабинет. Сначала при церкви была легковая машина, был водитель, но в середине 60-х годов храмам запретили иметь транспорт. Папа ежедневно ездил из Сокольников в Измайлово на автобусе.

Как-то приезжает домой вечером, объясняет, что к нему обратились мужчина и женщина с просьбой где-нибудь переночевать. Он пустил их в свой кабинет, а сам поехал домой. Мы забеспокоились, что это могут быть воры, ведь в его кабинете находились

Андрей Иванович с внучкой Машей

ценные вещи, но он пожал плечами: «Как Богу будет угодно, я не мог им отказать». Все обошлось. Вообще, фраза «как Богу будет угодно» была одной из наиболее часто повторяемых отцом.

И в пожилые годы папа обладал прекрасной памятью, к примеру, без затруднения называл день и месяц Пасхи за любой год своего служения.

В последние два года жизни память стала изменять ему, он уже не служил и все время находился дома. Негативную роль в ухудшении его здоровья сыграли кляузы, которые сочиняли и направляли в разные инстанции две работницы церкви.

До самой смерти отец числился настоятелем Сокольнического храма, а действующим настоятелем во время его болезни был протоиерей Павел Соколовский.

В конце жизни родителей снова настигла теснота – квартира состояла из двух тринадцатиметровых комнат, хорошо, что изолированных, в одной жили они с шестнадцатилетней внучкой Машей – дочерью Кирилла от первого брака, а в другой – мой брат с новой женой и дочерью.

Накопительство отец считал одним из самых больших грехов. После своей смерти он не оставил денег, ценные вещи – подарки, которые отец получал на именины, очень быстро распродал мой брат, и мама осталась с тридцатирублевой пенсией, которую ей назначила Патриархия.

Пережила она своего мужа на 3 года и очень сильно по нему горевала. «Как не плакать, как не горевать, – говорила она, – ведь за всю жизнь он на меня голоса не повысил, душой никогда не назвал, а все только Катенька, Катенька...».

О жизни и смерти отец говорил так: «Я живу, несу

Священник Андрей Расторгуев

свой крест, который мне Бог дал, несу с терпением и любовью, но если мне Господь пошлет смерть, то я приму ее как Божий дар, с радостью».

В нашем доме иногда останавливался иногородний дальний родственник, адвентист, который начал страдать отца тем, что за неправильную веру тот попадет в ад, на что папа отвечал: «Ну что же, если так-то будет Божья воля... Но и в аду я буду славить Господа».

В течение нескольких лет – с 1951 по 1954 годы – отец Андрей нес послушание в Берлинской епархии, являясь сначала проповедником, а затем настоятелем Кафедрального собора Воскресения Христова в Западном Берлине.

В 2012 году моя дочь была в Берлине, пришла в этот храм, подошла к настоятелю, сказала, что она внучка когда-то служившего здесь отца Андрея.

«Мы знаем, что отец Андрей здесь служил, помним о нем. Посмотрите, какую память он нам о себе оставил». – И отец настоятель подвел ее к Голгофе. На оборотной стороне креста прикреплена табличка: «Дар Храму Воскресения Христова в Берлине от Сокольнического Храма Воскресения Христова в Москве».

Отца Андрея помнят в далеком Берлине, его помнят в московском Сокольническом храме – спасибо настоятелю отцу Александру, и дай Бог, чтобы мы, его потомки, не забывали о нем и рассказывали своим детям о замечательных людях – протоиерее Андрее и его супруге Екатерине Петровне.

Вот, мои дорогие, и все, что я с любовью ко всем вам, живущим ныне, и тем, кто появится потом, хотела рассказать о самых дорогих моему сердцу людях. А записала мои воспоминания племянница, дочь моего брата Кирилла, Мария.

Редакция журнала «Симбирскъ» благодарит Марию Кирилловну Расторгуеву за предоставленные для публикации материалы.

В тексте воспоминаний приводятся стихи Марии Андреевны Расторгуевой.

Мария РАСТОРГУЕВА родилась 14 марта 1928 года в волжском городе Сызрани. Стихи начала писать подростком. Тонкое поэтическое видение мира, которое не покидает ее в течение всей жизни, и внутренний поэтический ритм, который подчиняет себе ее эмоции и превращает их в стихи. Умерла Мария Андреевна в 2016 году.

«Маленькие молитвы, облеченные в стихотворную форму, не сочиненные, а рожденные в таинственной глубине души, – так я воспринимаю творчество Марии Андреевны». (Племянница Мария Кирилловна Расторгуева.)

ЗАВЕТ ОТЦОВСКИЙ ИСПОЛНЯЯ...

ОТЦУ

Ты во Христа меня крестил,
Когда на свет я появилась.
Христовой истине учил,
Когда толпа над ней глумилась.

Тебя давно на свете нет,
Но если мне еще поется –
Лишь потому, что твой завет
В душе навечно остается.

1977 г.

ЛАМПАДА

Вот я опять перед иконой
Лампаду яркую зажгла,
И будто чудо совершилось, –
Я словно в детство возвратилась
И в отчий дом опять вошла.

Какой дом ветхий, бедный, старый,
Но сколько света и тепла.
Какою нежною отрадой
Здесь наполняются сердца...

Отец вошел, благославляя,
На стол просфирку положил.
Какая простота святая,
И сколько непомерных сил.

Благодарю безмерно Бога
За этот яркий огонек,
Что перед смертью, у порога,
Увидеть прошлое помог.

1978 г.

ЗАПРЕЩЕННАЯ ЕЛКА – 1931 ГОД

(В эти годы украшение елки было запрещено, как «пережиток прошлого»)

Плотно окна занавешены,
И задраены все щелки,
Чтоб соседи не заметили
Огоньки зажженной елки.

Трепетало сердце детское,
Когда елку украшали.

Да не елку – просто веточки
К длинной палке привязали.

Эти ветки очень тайно
Одна добрая душа
Под покровом темной ночи
Нам из лесу принесла.

В табуретку ель воткнули,
Низ закрыли простыней.
Сверху елка засветилась
Вифлеемскую звездой.

К веточкам огарки малые
Прилепили, как смогли.
Хором все Христа прославили,
Сели кушать пироги.
(Чья-то добрая душа
Помануть своих родителей
На канун их принесла).

Господи! Прими в селение –
В светло Царствие Твое
Всех, кто нам помог в веселии
Встретить это Рождество.

МОЛИТВА

О, Господи, прости меня, –
я мало верю.
Крещусь, целую и люблю,
и лицемерю.

О, помоги мне, помоги,
чтобы без меры
К тебе я искренне несла
свой Символ Веры.

И руку мне свою прости –
к Тебе взываю.
Я в маловерии своем
изнемогаю.

Мою ты душу воззови
из смрада-тленья.
Дай причаститься ко Христу
в день Воскресенья.

1982 г.

ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ СКИТА

Я не достойна радости такой –
Чтоб наяву увидеть рай земной.
Средь вечных сосен, цветников и роз
Невидимо присутствует Христос.

Какая благодать вокруг и тишина,
И к горным небесам возносится душа,
И церковь белою невестою стоит,
И колокол в тиши лесной звучит.

Бывает миг, когда Господь, по милости своей,
Хоть под конец, хоть при закате дней
Покажет рая светлого лучи,
Чтоб было легче крест к могиле донести.

Так и со мной случилось наяву
В полуразрушенном святом скиту.

2005 г.

Года за два до своей смерти, значит, в 1968 году, отец сказал мне: «Когда ты будешь в Италии, в Риме»... Я с недоумением и испугом посмотрела на него, решив, что он начал заговариваться – в те годы мы жили за «железным занавесом». Он понял мой взгляд, но продолжил: «Ты обязательно будешь в Риме. Прошу тебя – поклонись от меня собору Святого Петра».

В РИМЕ У СОБОРА СВЯТОГО ПЕТРА

Завет отцовский исполняя,
Стою, дыханье затая,
Живая или неживая
Перед святыней Божества.

Апостол Петр протягивает руки,
Меня зовет войти в свой храм,
Забыть свои земные муки,
Вкусить небесный фимиам.

И я за дверью оставляю
Весь груз моих прошедших лет,
К ногам святого припадаю,
И голубиный вижу свет.

Здесь всех любовь соединила
Рукою гения творца.
И руку ту благословила
Святая сила Божества.

Декабрь, 2010 год

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ ОТЦУ

Ты ушел в воспоминанье
Преисполненный страданья,
Весь из света и сиянья,
Полон Веры и Любви.

Ты ушел не побежденный
Веком подлости и лжи.
Бескорыстный, обновленный,
Был примером доброты.

Ты ушел благославляя,
Должникам долги прощая,
Завещая нам в наследство
Только Веру и Любовь.

И для нас придет прощанье
С этой жизнью земной.
Мы в надежде упования
Снова встретиться с тобой.

Ноябрь, 2009 год

ВЕСНА В СТАРОСТИ

Вот пришла весна.
После зимних бурь
Бьет в мое окно
Вешняя лазурь.

Вот и месяц май
К нам стучит в окно.
На душе моей
Тихо и светло.

И на склоне лет
Любишь все сильнее
Этот шум листвы,
Эту тишь полей.

В старческой крови
Вешнее тепло.
Музыка стихов
Льется так легко.

И мои стихи,
Словно ветерок,
Словно жизни всей
Пройденный итог.

Весна 2010 год

БОГУ БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА МОЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Благодарю Тебя, Господь, за чудо мироздания,
Что в этом мире я живу,
что я Твое создание.

За каждый миг, за сердца стук, за легкое дыхание...
Благодарю Тебя, Господь,
что я Твое создание.

За день и ночь благодарю и за стихов звучание,
За всех людей Тебя молю -
все мы Твое создание.

И если скоро я уйду в загробное слияние,
Возьми, Господь, меня к Себе,
ведь я Твое создание.

Февраль, 2014 год

ОТЦУ

Лампада горит пред иконой святой
И в душу снисходят любовь и покой.
И верится – жизнь ненапрасной была,
Коль с детства лампада была зажжена.

Ноябрь, 2014 год